

АРХЕО·ГРАФИКА

№15, ноябрь 2024 г.

Трудами Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

**К истории одной реставрации
конца XVII века**

Леонид Кулыгин

**Избранные маргиналии
на полях Триоди Постной
XVII в. и Октоиха XVI в.**

Иван Уткин

**«Возрадуйтесь
и возвеселитесь!»
Или как книжники
утешались смехом**

*Артем Носов,
Николай Домрачев*

**«КАМЕНЬ-КАМЕНЬ,
рассуди меня с гадом...» —
составляющие заговора**

Ульяна Зарудий

**СТРАХ
и его интерпретации
в рассказах**

Александра Зимовина

**О поисках следов русской
традиционной свадьбы**

София Даньшина

**КЛИНЦЫ
старообрядческие:
экспедиция в три дня**

Ксения Костромина

**«Неча зеркало пытаться —
ничего в нем не видеть...».
Гадания и немного
другой магии**

Сергей Ларин

Заметки о Тамбовщине

Коллектив авторов

Многополие: новые проекты и надежды Архлаба

2024 год оказался для археографической лаборатории урожайным на поездки, впечатления, публикации, да и на новых сотрудников тоже. У нас еще и новый сайт лаборатории заработал. Так что новый номер Археографики – это еще и повод подвести некоторые итоги нашей работы.

В феврале прошла V Международная научная конференция «Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе». Ее главной героиней, разумеется, была Ирина Васильевна Поздеева – легендарная мать-основательница лаборатории, отпраздновавшая свое девяностолетие. К этой дате мы успели издать библиографический указатель трудов Ирины Васильевны, в котором кроме списков книг можно найти фотоматериалы и воспоминания о пятидесятилетней истории лаборатории.

В марте вышел новый каталог «Памятники кириллической книжности в Боровском собрании», в котором обнародованы первые результаты описания книжного собрания белокриницкой общины храма Введения в Церковь Пресвятыя Владычицы Богородицы. В том числе речь идет об описании 36 экземпляров старопечатных книг XVI–XVII вв. и 19 рукописей. В ходе работы над этим каталогом мы продолжили сотрудничество с коллегами из Урала (Анной Михеевой, Юлией Боровик, местными боровскими старообрядцами (особо стоит отметить вклад в эту работу Анны Осиповой, начальника архивного отдела администрации муниципального образования муниципального района «Боровский район»). Поучаствовали в работе многие друзья лаборатории и наши дорогие студенты и аспиранты исторического факультета. Всех и не перечислить... (Продолжение на стр. 2)

В мае Елена Воронцова возила студентов и сотрудников ПСТГУ в Тамбовскую область – изучать местную религиозную жизнь. В этом номере четыре участницы делятся самыми яркими впечатлениями об этой поездке.

В конце июня началась археографическая страда, и длилась она с небольшими перерывами до самого начала ноября. С 29 июня по 10 июля 2024 г. опытные в изучении Верхокамья полевики Наталья Литвина и Ольга Христофорова повезли новичков Елену Воронцову, Леонида Кулыгина и Алину Пыжикову в Пермско-Удмуртские пределы. Изначально планировалось возобновление контактов с представителями местных старообрядческих общин (полевые выезды в регион были приостановлены в 2015 г.), однако в результате львиную долю времени мы провели в описании обновленных частных и общинных собраний. С этой работой отчасти знакомит нас заметка Леонида Кулыгина.

С 12 по 27 июля сотрудники археографической лаборатории повезли большой студенческий отряд в г. Великий Новгород. В составе экспедиции были не только студенты истфака, но и аспирант филологического, а также наш дорогой коллега из ЛАИ УрФУ Юлия Боровик. Значительная часть книжников обосновалась в поморской общине г. Новгорода и продолжила работу над описанием местного собрания. Об этой работе можно судить в том числе по заметке, подготовленной Иваном Уткиным. Студенты, планировавшие побольше времени провести в беседах и знакомствах с новыми людьми, отправились в Крестецкий район и успели обойти и объехать его вдоль и поперек. Своими впечатлениями об этом путешествии делятся Ульяна Зарудий, Александра Зимовина, Сергей Ларин и Даньшина София.

В октябре Наталья Литвина вместе с Юлией Боровик отправились к поморцам Минска и Бобруйщины, успели обозреть местные собрания и с коллегами из НАН Белоруссии пообщаться. В финале этой поездки выступили с докладами на конференции Ветковского музея и встретились с множеством коллег. Общение быстро перерасло в обмен контактами и вылилось в еще одну поездку. С 1 по 3 ноября Наталья Литвина, Елена Воронцова при участии иерея РПСЦ Андрея (Костромина) и Ксении Костроминой обследовали книжное собрание храма РПСЦ Преображения Господня и созданного при нем музея старообрядчества в г. Клинцы. Удалось составить предварительный реестр и провести фотофиксацию некоторых рукописей. О поездке вспоминает Ксения Костромина в своем очерке.

Елена Воронцова
Архлэб

К истории одной реставрации конца XVII века

Этим летом мне довелось участвовать в комплексной экспедиции археографической лаборатории МГУ в Верхокамье. Уже в поле моей основной задачей стало создание реестровых описаний частных и соборных библиотек региона. Такая работа предполагает лишь самое общее описание библиотеки и исключает даже возможность более детального знакомства с исследуемой книгой, которое возможно при камеральном описании.

Эта заметка появилась благодаря тому, что в этом году несколько книг были переданы Археографической лаборатории МГУ в дар. Среди них была и Минея общая, изданная в 1632 г. в Москве (М.: Печатный двор, 20.01.1632 (10.05.7138–20.01.7140). Михаил; Филарет.)¹. Этот экземпляр был многократно реставрирован уже в XVIII в. и, возможно, даже в XVII в. (всего, предположительно, выделяется до 14 сортов бумаги²). Большинство реставраций – это небольшие подклейки на полях листов, которые иногда дополнены более или менее умелыми восполнениями утраченного текста³. Однако один этап (возможно, синхронный с некоторыми подклейками) выделяется особо: л. 359, 415–429, 1 нн., 430–439⁴, утерянные в конце блока полностью восстановлены несколькими тетрадами рукописного (л. 359, 423–429, 1 нн., 430–439) и печатного (л. 415–422⁵) текста. В совокупности, печатная и рукописная вставка дополняют друг друга, однако не восполняют текст печатного издания полностью: пропущены Апостолы и Евангелия общие святым, служба Иисусу Христу по все дни⁶. Датировке и особенностям данной реставрации посвящена эта заметка.

Датировка печатного текста не представляет трудностей: хотя этот фрагмент и не содержит элементов декора, учтённых в каталоге А.С. Зёрновой, он поддаётся определению по совокупности параметров (количество строк на листе, высота 10

¹ См. Зёрнова, 90; Поздеева 54; Лукьянова II, 19.

² Не равнозначно этапам реставрации; вероятнее всего для одного этапа реставрации использовали несколько сортов бумаги.

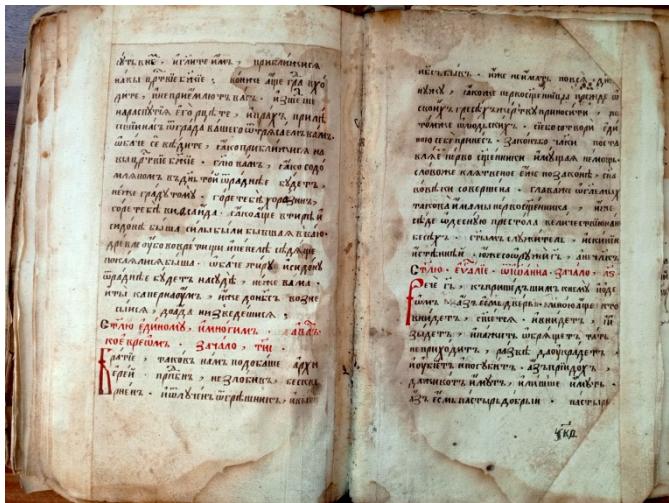
³ Иногда, видимо, этапы реставрации листов хронологически не совпадали с этапами восстановления текста: например, на л. на л. 280–282, 426 об. и л. 400 текст восстановлен двумя разными почерками на бумаге одного сорта.

⁴ Фолиация, видимо, была проставлена уже после реставрации.

⁵ Л. 297–304 по фолиации издания.

⁶ Впрочем, возможно, что они были в какой-то момент утеряны.

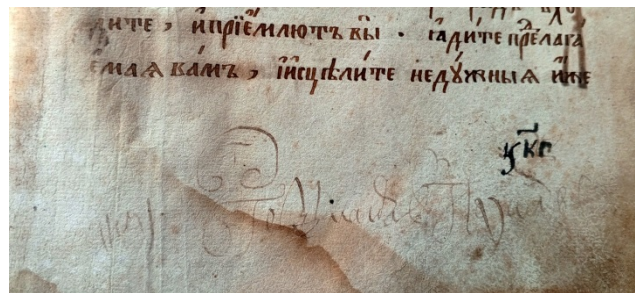
строк). Для реставрации была использована тетрадь из Минеи общей Андроника Тимофеева сына Невежи (Москва: 19.08.1600 (13.07.7107—19.08.7108). Борис; Иов; Лукьяненко 143. Зернова 16. Поздеева и др. II, 65)⁷.

Гораздо сложнее точно датировать рукописную часть восполнения⁸: она написана коричневыми чернилами и красной краской профессиональным полууставом кон. XVII – нач. XVIII в. Писец стремился, чтобы количество строк на листе (21) и высота шрифта (10 строк = 91–92 мм) примерно соответствовали параметрам печатной части⁹. Рукописное восполнение было переписано из той же Минеи общей Андроника Невежи (л. 359 по фолиации рукописной части, завершающий девятый час Навечерия Рождества Христова, видимо, был переписан из другого издания; переписаны л. 282–296, 305–322 об. по фолиации издания). В пользу этого говорит совпадение текста (вплоть до положения слов в строках и знаков препинания) и орнаментики (ломбарды). Это объясняет выбор издания для печатной вставки: возможно, в целях экономии времени и бумаги была использована выпадающая тетрадь из экземпляра, с которого переписывалась рукописная часть¹⁰. Позже при реставрации, л. 314, который до этого, видимо, выпадал, был наклеен обратной

стороной вперёд и текст паремий был спутан. Для восполнения использована бумага с филигранью «Почтовый рожок», сходной с № 1157 (ГИМ, 1678 г.) и № 1161 (ГИМ, 1699 г.)¹¹. Таким образом, по совокупности признаков создание рукописной части восполнения можно датировать последней четвертью XVII в. Эту датировку позволяет уточнить встречающаяся на нижнем поле л. 423, 425 запись: «1700-го в году мая в па указу [вел]// Хр<ис>-та ради уродивым апостол».

Так как поля некоторых листов «основной» печатной части и рукописного восполнения реставрированы одинаковой белой вержированной бумагой (в 1 см 8 вержеров; фрагменты филигрании Pro Patria на л. 32, 419, точно идентифицировать не представляется возможным) можно утверждать, что уже в XVIII в. экземпляр существовал как единое целое. Вероятно, «восполнение» не бытовало (или бытовало очень недолго) как часть другой печатной книги или рукописи, а было создано специально для этого экземпляра.

Другие владельческие записи позволяют уточнить время предполагаемой реставрации. Из владельческой записи на л. 60 об. и др.¹² известно, что 2 декабря 7190 г. (1681) книга была куплена в Переяславле-Рязанском для церкви Ильи пророка с. Руднево Каменского стана Пронского уезда¹³.

¹¹ № 1157: л. 403, 437 (оба знака сходны); № 1161: 431 (подобен), 438 (сходен).

¹² Л. 60 об., 71 об., 81 об., 91 об., л. 112 об., 123 об., 134 об., 144 об. 165 об., 174 об., 185 об., 195 об. Полностью запись выглядит так: «а купил сию книгѣ ѿбщю Минью// Пронского уѣзду// Каменского// стану села Руду// нева ильн// съской// попь Бори// съ Федорав а кѣпль¹²// на сия кинга ѿбщю Минья// В Пересьлавъли / Рязанском у¹² попа Ф¹²илорета/ и иво полова у сей кн<и>ги в прода / жи рука приложена ниже / строкъ// а¹² сдана |колофон| сия / кинга два |колофон| рубльи// Лѣта 7190 г<о>ду¹² мѣ/ сеца/ декамври/ 2-роя чисьло// а сию/ кигу/ подѣпи |колофон| сывал по ево по/ пову вельню/ нрзб/нрзб¹²».

¹³ Сейчас с. Руднево Пронского р-на Рязанской обл. Деревянная кладбищенская церковь, видимо, была перестроена в нач. XVIII в.; не сохранилась (Усадьба Руднево // Культура.РФ: электронный ресурс. URL:

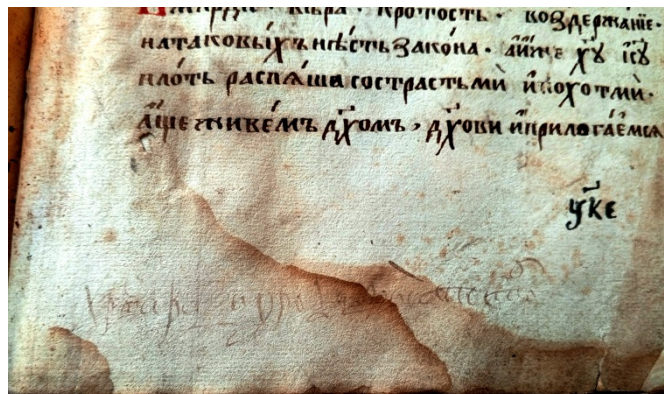
⁷ «Родная» фолиация издания в процессе реставрации (или позднее) была переправлена: листы 297–304 стали листами 415–422.

⁸ Благодарю А.В. Носова за консультации.

⁹ Такие параметры зеркала набора характерны также ещё для одной Минеи общей, (МИНЕЯ ОБЩАЯ. – М: Печатный двор, 14.10.1625 (01.01.7132 – 14.10.7134). Михаил; Филарет; Зёрнова, 57; Поздеева и др. (2000). 162–163; Поздеева 24; Лукьянова I, 39.), однако листовая формула экземпляра отличается. Возможно, реставратор сознательно сделал выбор в пользу самого старого издания; впрочем, вероятнее всего для вставки было использовано то, что было доступно.

¹⁰ Вероятно, возможны и другие объяснения.

Можно осторожно предположить, что книга была реставрирована перед покупкой или сразу после неё (вряд ли кто-то из причта сельской церкви мог достаточно профессионально выполнить такое большое по объёму восполнение текста).

Таким образом, рукописное и печатное восполнение в конце Минеи общей 1632 г. является образцом «обиходной» реставрации конца XVII в. и, наравне с владельческими записями, свидетельствует о бытовании и использовании «дораскольных» изданий в к. XVII в. не только в старообрядческой среде.

Леонид Кулыгин,
кафедра Истории России до начала XIX в.

Избранные маргиналии на полях Триоди Постной XVII в.¹⁴ и Октоиха XVI в.¹⁵

Текст книг, бытующих несколько столетий, не остается неизменным. Поверх него наносятся позднейшие записи чернилами разного цвета, химическим карандашом, перьевой или шариковой ручкой, иногда несколько раз на одном месте после стирания предыдущей записи. Если владельческие отметки призваны засвидетельствовать факт принадлежности книги тому или иному человеку или церковному приходу, то маргиналии представляют собой плод размышлений читателя, оставляющего свой комментарий рядом с оригинальным текстом источника. Среди сотен пожелтевших, надорванных и прожженных, закапанных воском страниц, изобилующих следами правки почерневшими от времени свинцовыми белилами, порой встречаются интереснейшие свидетельства

¹⁴ **ТРИОДЬ ПОСТНАЯ.** – М.: Печатный двор, 01.12.1642 (26.04.7150–01.12.7151). Михаил; Иосиф. 2°. 1⁸–12⁸ 12⁸–36⁸ 37¹⁺⁶ 38⁸–48⁸ 49⁶⁺¹ 50⁸–81⁸ [82]¹⁺⁴ [83]⁶ = л.: 1 пустой, 1–301, 302/303, 304–343, 343–413, 454–621, 621–703 = 665 л.

Набор: 23 строки с колонтитулом. Шрифт: 10 строк = 90 мм. Орнамент: инициал 1; заставок 16 с 10 досок. Печать в две краски. Сигнатуры в центре нижнего поля первого листа тетради, фолиация в правом нижнем углу – кириллическими цифрами.

Зернова 162.

Даты указа о начале печатания и завершения работ соответствуют выходным данным книги; работа начала 28.04.1642. Печаталась в Верхней палате на пяти станах. Тираж 1200 экз. Себестоимость 1 р. 9 алт. 5,5 ден. Стоимость 1153 «продажных» экз. по 1 р. 11 алт. 4 ден. за 1 экз.; «указная» цена — 60 алт.

ФОНД 1182. Опись I, кн. 36, л. 167–167 об Поздеева 112. Лукьянова II, 76.

Фонд: НСПО № 12. Размеры экземпляра: 290 x 185.

¹⁵ **ОКТОИХ**, части I и II. – М.: Печ. Андроник Тимофеев Невежа. 31.01.1594 (08.06.7100–31.01.7102). Феодор; Иов.

2°. Часть I: гласы 1–4. [1]⁸–[16]⁸ [17]⁴ [18]⁸–[62]⁸ = л.: 1–492 = 492 л. Лист 1 – пустой.

Набор: 23 строки с колонтитулом. Шрифт: 10 строк = 89 мм. Орнамент: заставок 15 с 8 досок; инициал 1 (высота 45 мм).

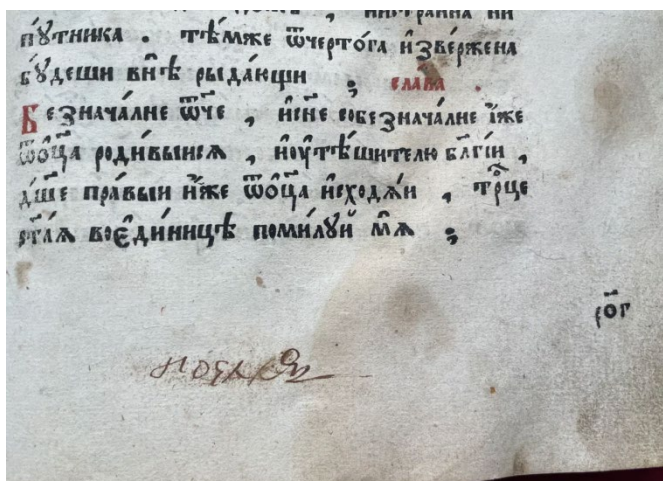
Печать в две краски. Фолиация в правом нижнем углу кириллическими цифрами.

Зернова 12. Лукьяненко 111. (Указаны варианты набора).

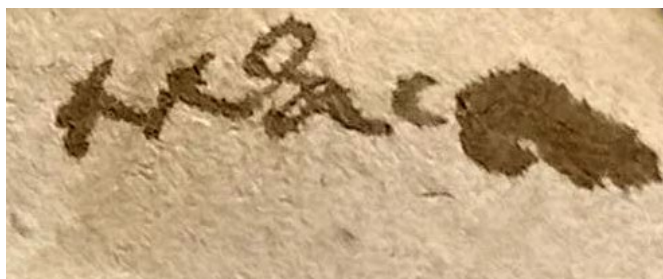
Во всех экземплярах 1-й части Октоиха обнаружены опечатки в фолиации: 186 и 425 вместо 184 и 416, исправленные типографским способом или от руки.

Фонд: НПСО № 113-К. Размеры экземпляра: 287/295 x 195.

живого внимания человека к прочитанному тексту. Ряд маргиналий, обнаруженных в описанных книгах в этом году, мне особенно запомнился.

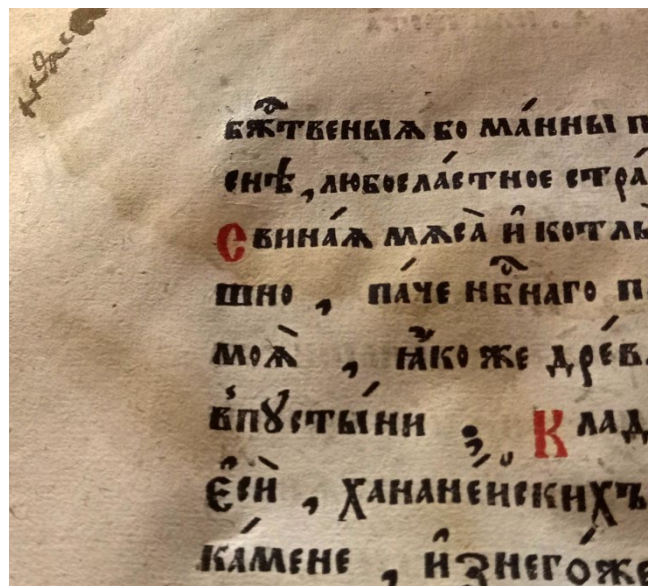
Некоторые из них были сделаны в целях удобства использования книги в храме на клиросе. Великолепно различима маргиналия «поём»¹⁶ на полях упомянутой Постной Триоди внизу л. 173, выполненная насыщенными коричневыми чернилами, предположительно скорописью XVIII в. Примечательно, что на протяжении всей огромной книги, представляющей собой богослужбное последование предвещающих пост недель, самого Великого поста и Страстной Седмицы, не так много надписей для клироса. На правом поле л. 551 обнаружена маргиналия, выполненная поздним полууставом темными черными чернилами: «на літ[ии] сти[хиры]». Ниже запись повторяется другим почерком бледными черными чернилами – на тексте последования четверга 5 недели поста. На обороте л. 638 на левом поле синей ручкой неумелой скорописью XX в. надпись «молитва[ми] апостол помилуй» – на тексте троичных и светильных поста. На обороте л. 650 на реставрации книги слова стихов из Псалтири, выполненные карандашом неумелым полууставом XX в.: «Во всю землю изыде»¹⁷ и «Дивен Бог во светых» (так!)¹⁸ – на тексте седальнов 4 гласа осмогласника.

¹⁶ Т. е. «поём».

¹⁷ Фрагмент Пс. 18:5.

¹⁸ Фрагмент Пс. 67:36.

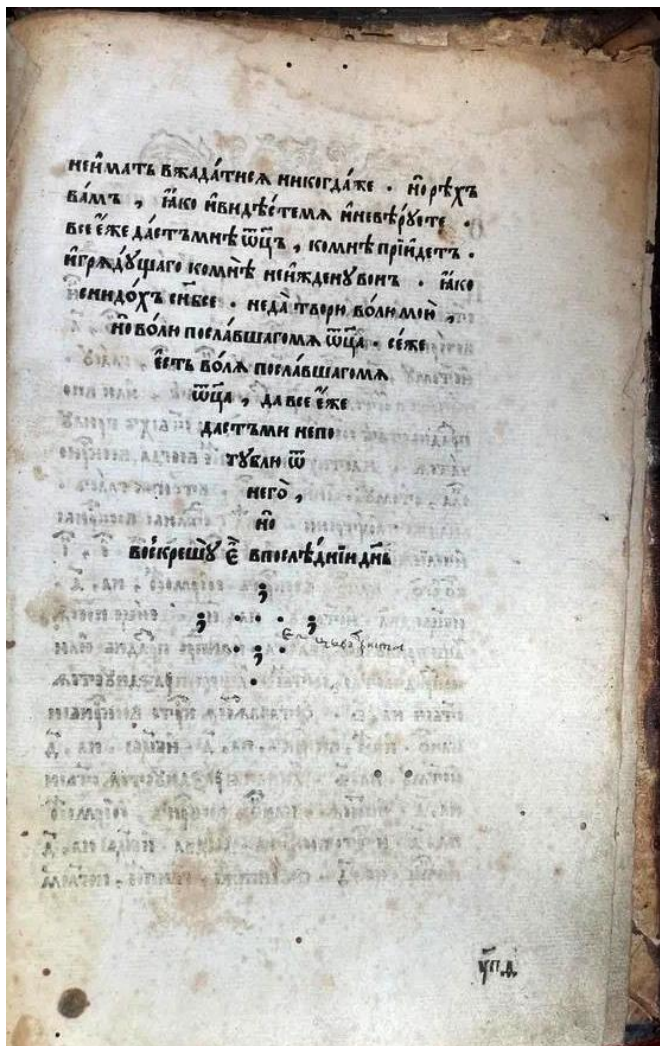

Некоторые маргиналии можно считать богословскими рассуждениями. Первая неделя Велико поста. За богослужением первых четырёх дней на повечерии читается Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. На обороте л. 190 Постной Триоди в левом верхнем углу скорописью XVII–XVIII вв. предельно отчетливая надпись насыщенными коричневыми чернилами «мяс[о]» (на последней букве слова чернильное пятно). Эта маргиналия находится рядом с тропарем 6 песни вторника первой седмицы Велико поста («Свиная мяса и котлы, египетское брашно, паче небеснаго произволила еси душе моя, якоже древле неразумнии людие в пустыни»). Может быть, оставивший эту надпись человек решил сделать пробу пера. А возможно, он пытался отогнать от себя назойливые мысли о вкушении скоромного, проходящие в самый неподходящий момент. Слова, порицающие приземленность устремлений израильского народа были призваны помочь молящемуся сосредоточиться на тексте канона и напомнить ему о том, что пост призван возвысить человека от земных желаний и страстей, а кажущаяся тяжесть воздержания не должна приводить к греховному ропоту.

Особенно интересна маргиналия внизу наборной полосы на л. 489, содержащем фрагмент 6 главы Евангелия от Иоанна¹⁹. Эту надпись нам не сразу удалось прочесть, возникла даже дискуссия с участием старших коллег. В конечном итоге появилась гипотеза, что перед нами выполненная с нарушением норм скорописи надпись «ел[и]цы во Христа». Выносное "X" не типично, обычно в имени Христа эту букву не выносили. «И» в слове «ел[и]цы» не обозначена титлом. "I" от "ы" лигату-

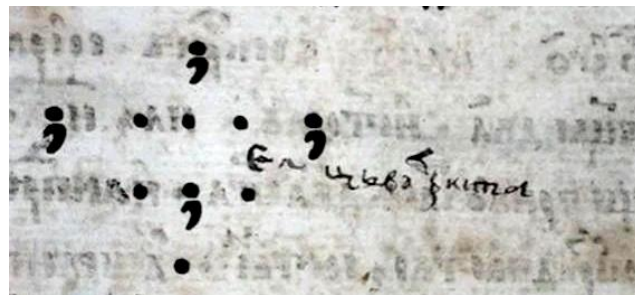
¹⁹ Евангельское чтение субботы (Приложения: «Прокимны, и апостолы, и аллилуарие, и Евангелия дневнии»).

ризировано со спинкой "в". "О" в предлоге "во" напоминает "ук" в виде лигатуры. Запись датируется предположительно первой половиной XVIII в., когда нормы скорописи могли не соблюдаться.

6 глава Евангелия от Иоанна содержит беседу Христа с иудеями о Евхаристии. На л. 489 написаны фрагмент 35, 36–39 стихи этой главы: [Рече же им Иисус: Аз есмь хлеб животный, грядый ко Мне] не имать взалкаться, и веруяй в Мя не имать вжаждатися никогдаже. Но рех вам, яко и видесте Мя, и не веруете. Все еже даст Мне Отец, ко Мне приидет, и грядущаго ко Мне не изжену вон. Яко снисдох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все еже даде Ми, не погублю от Него, **но воскрешу е в последний день** (здесь и далее выделено мной – И.У.)²⁰.

²⁰ Синодальный перевод: [Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня] не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что даёт Мне Отец, ко Мне придёт; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из

Православная традиция даёт следующее толкование данных слов. Христос стремится спасти и воскресить каждого человека, но не все приходят к Богу, поскольку не все этого желают. Воскресение и жизнь вечную наследуют те, кто вошёл в Церковь через Крещение: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5).

Автор рассматриваемой нами маргиналии мысленно погружается в анализ всего корпуса Священного Писания Нового Завета и вспоминает о посланиях апостола Павла: Гал. 3:27 («Елицы бо во Христе креститесь, во Христа облекостесь») ²¹ и Рим. 6:3 («Или не разумёете, яко елицы во Христе Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся») ²².

27 стих 3 главы Послания к Галатам стал крещальным. В первые века Крещение оглашенных совершалось в торжественной обстановке во время великих праздников. Традиция пения стиха сохранилась и доныне, в православных храмах он звучит во время совершения таинства, а также тогда, когда богослужебный устав определяет замену на литургии «Трисвятого» на «Елицы ... во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Всего происходит это несколько раз в год: в Лазареву субботу и Великую субботу, на Пасху и на Светлую седмицу, во время празднования Пятидесятницы, Рождества Христова и Крещения Господня.

Неведомый нам читатель 6 главы Евангелия от Иоанна, оставив на полях рассматриваемую маргиналию, тем самым соединил в одном месте два ключевых таинства Нового Завета. Человек входит в Церковь через Крещение и получает возможность сопричастия Христу в Евхаристии, благодаря чему соединяется с Богом и наследует жизнь вечную, а значит, будет «воскрешен в последний день». Надпись «ел[и]цы во Христа» на л. 489, таким образом, представляет собой интересней-

того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но всё то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день.

²¹ Синодальный перевод: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».

²² Синодальный перевод: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?»

ший пример глубоких богословских рассуждений, сокрытых в кратком скорописном комментарии XVIII в., состоящем всего из трех трудноразличимых слов.

Иван Уткин
Кафедра истории Церкви

«Возрадуйтесь и возвеселитесь!» Или как книжники утешались смехом

В экспедиционном сезоне 2024 г. у нас были наполеоновские планы: закончить работу с оставшимися книгами и проверить имеющиеся описания экземпляров и рукописей, которые ранее были отобраны для каталога. По большей части нам удалось добиться своих целей. Напряженные будни, порой кончавшиеся с заходом солнца, помогли окончательно определиться с детализированной структурой описания и уточнить множество нюансов, начиная с датировок книг и переплетов, заканчивая выявлением пропущенных маргиналий и едва заметных признаков физической сохранности. Не обошлось и без новых открытий.

Отставим изложение научных изысканий для конференций и публикаций и обратимся к тому, что почти всегда остается за пределами поля зрения – бесконечные курьезы, забавные случаи и находки, без которых не обходится ни одна экспедиция. Полезно было бы фиксировать их на месте, желательно подробно, но не смеха ради, а для антропологических штудий.

Как настоящие «феодалы», на второй день экспедиции авторы сего очерка отправились на литургию в один из новгородских храмов. Ход богослужения поразил нас: огромное изображение Иисуса

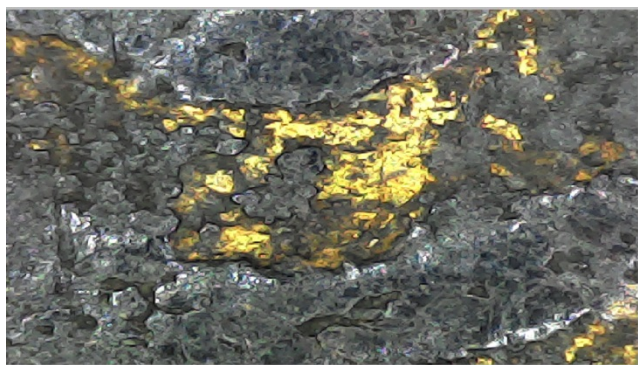
Христа в современной живописной манере на амвоне перед алтарем, общая исповедь по собственному чину, временами экзальтированное поведение духовенства и прихожан, необычные уставные особенности совершения литургии заслуживают пристального внимания религиоведов. Наши сомнения и переживания разделила Кирилла, посетившая тот же храм спустя несколько дней. И это показатель, поскольку Кирилла знает службу на уровне опытных священников. Впечатления оказались настолько яркими, что мы не раз вспоминали тот приход в течение двух недель, в шутках и в серьезных рассуждениях.

Практиканты, волонтеры и руководители экспедиции традиционно расположились в притворе храма Новгородской поморской общины. Мы заняли с Натальей Викторовной уютную комнатку с чайным столом, который за минуту превращался в книжный. Каждый раз хочется назвать это атмосферное место скрипторием, хотя переписывать книги мы так и не рискнули и доверили дело плодам технического прогресса: фотоаппаратам, на которые фиксировались записи и наиболее интересные листы старопечатных экземпляров книг и полностью снимались рукописи.

Фотоаппаратами техническое оснащение экспедиции в полевом сезоне этого года не ограничилось. Можно смело утверждать, что в нынешнем году экспедиция была наиболее технически продвинутой. Николай Евгеньевич привез с собой диковинный аппарат – цифровой микроскоп, способный давать изображение в 60-кратном увеличении сразу на экран любого ноутбука. Микроскоп оказался удобной вещицей: подключил к ноутбуку, настроил фокус и получай удовольствие. С его помощью удалось разглядеть структуру кожи переплетов, мелкие детали заставок и концовок богато украшенных рукописей, элементы букв индивидуальных почерков, остатки крупных фракций отложений сурика в одной из рукописей и пр. Но все же это потешный прибор: он дает слишком мало для наших специфических запросов, а для серьезных естественнонаучных исследований (например, чернил) требуется техника другого порядка.

Однажды с помощью микроскопа мы решили проверить странное черное тиснение на переплете церковного устава XIX в. Неожиданно на экране ноутбука среди сплошной черноты и грязи в 6-кратном увеличении обнаружались “блики”. После очистки участка переплета салфеткой “бликов” стало больше. «Консилиум» археографов молниеносно вынес безоговорочное заключение – перед нами серебряное тиснение, которое со временем окислилось и потемнело. Звучало грандиозно, да только перед нами было не столовое серебро, а тиснение на коже переплета... Применяв нашу методику на других переплетах, мы обнаружили там, где казалось слепое тиснение, в наиболее глубоких ложбинках кожи характерные желтоватые “блики” – оказалось когда-то давно переплет был тиснен золотом, которое от частого использования практически вытерлось.

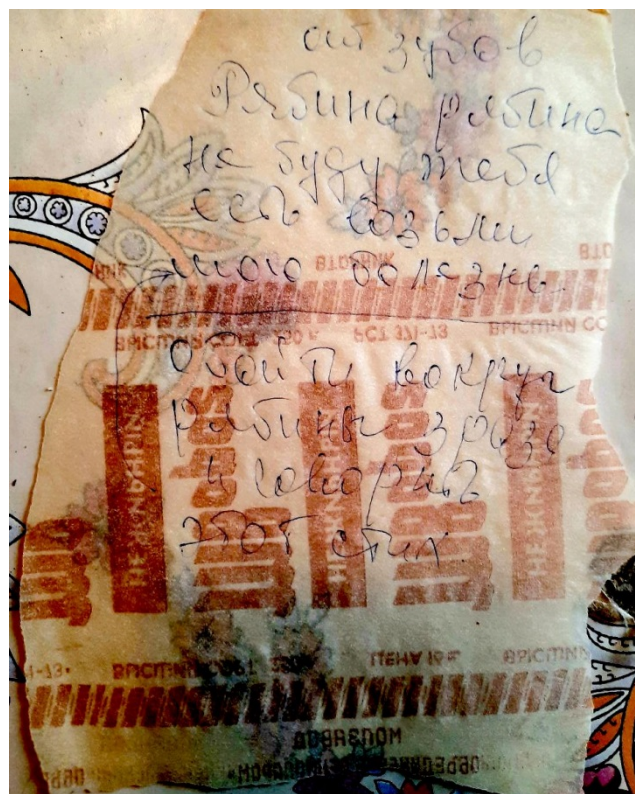

Радостные археографы чувствовали себя искателями эпохи “Золотой лихорадки”. Однако с серебром все оказалось сложнее. Наталья Викторовна, вооружившись приемами бывалых реставраторов, выяснила, что мы имеем дело с черненым тиснением (особой технологией, когда металлические штампы специально “передерживали” на коже, давая ей обуглиться, и тем самым получая насыщенный черный цвет тиснения), никаких явных следов серебра обнаружить не удалось. Характерные серебряные “блики” давал обычный уголь, который в свете лампы микроскопа (а без нее естественного освещения недостаточно, чтобы разглядеть подробности почти-микро-мира) отражал свет на манер “серебра”. Наш воздушный замок растаял. В тот момент много нелепого пронеслось перед глазами. Например, как нашему однокурснику на раскопках через день чудилось, что он нашел золото.

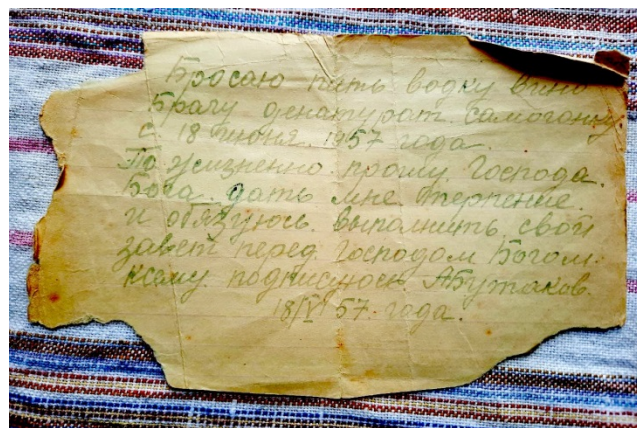
Нельзя не остановиться на умирительном и уморительном в богатом внутреннем мире старопечатной и рукописной книги. Эта зыбкая материя подчас растворяется в концентрированных научных описаниях. Бесспорно, подобный материал достоин специального внимания.

От зубов. В рукописном певческом сборнике (Ирмолое) начала XX в. был найден заговор от

зубов, написанный шариковой ручкой на обертке от «нежирного творога»: «От зубов. Рябина, рябина, не буду тебя есть, возьми мою болезнь. Обойти вокруг рябины три раза и говорить этот стих».

От зависимости. Между листами миниатюрного (в “восьмерку”) рукописного Часовника втор. пол. XIX века был вложен потрясающий “завет”, написанный чернильной ручкой на листах школьной тетради “в линейку”: «Бросаю пить водку, вино, брагу, денатурат, самогонку с 18 июня 1957 года. Пожизненно прошу Господа Бога дать мне терпение, и обязуюсь выполнить свой завет перед Господом Богом. К сему подписуюсь А. Бутаков. 18.VI.57 года». После прочтения данного вложения археографы подивились находчивости нашего нового знакомого А. Бутакова: в “скриптории” повис немой вопрос: “А где пиво?”.

От воровства. Владельческая запись почерком XIX века на экземпляре датированного тем же столетием рукописного Часовника крайне позабыла археографов “скриптория”. Мы привыкли, что

вкладчики еще со времен Средневековья пытаются предотвратить кражу или продажу книги угрозами различных “кар небесных”. Однако сознание владельца Часовника всецело оказалось под воздействием тенденции на обмирщение, и угрозы ворами тоже стали вполне мирские, конкретные и понятные: “Кто сию книгу украдет, тот и сам пропадет, а кто возмет ю (т.е. - ее) без спросу, тот пойдет без носу, а кто дернет вдруг, тот пойдет без рук”.

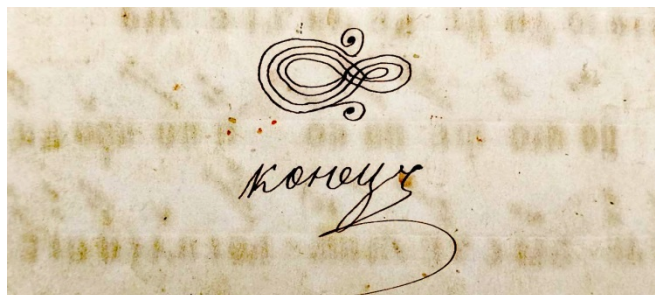
От обжорства. Часовники активно использовались на богослужениях. Псаломщики часто оставляли в них множество закладов. В рукописном Часовнике последней трети XVII – начала XVIII вв. закладками служили листки отрывного календаря за 1973 г., фантики от конфет «Загадка» и «Бригантина», этикетки от рыбных консервов ленинградского и прибалтийского производства (например, сардины, изготовленные на Рижском сардинном заводе) 1972–1975 гг. С определенной осторожностью археографы могут судить о гастрономических пристрастиях псаломщика середины 70-х гг. XX в.

От дяди. В уже известном читателю рукописном Часовнике вт. пол. XIX века помимо “завета” любителя пива был обнаружен еще один вложенный документ, написанный также в XX веке. Документ сохранился лишь в своей левой части (сложно даже утверждать – “половине” или меньше), что естественно привлекло внимание археографов. Весь “скрипторий” напряг фантазию и попытался предположить, что же было написано в документе по началу строчек. В результате все “книжники” смогли почувствовать себя лингвистами, дешифрующими новгородскую берестяную грамоту по кончикам букв (на минималках конечно). Результат оказался загадочным, и вызвал еще больше вопросов чем было изначально: Дядя [...] | вышли [...] | пареные [...] | чево зделан[...] | ноги потом[...] | мне севодня [...]”.

В конце перечня находок, наиболее запомнившимся археографам, и поднявшим им настроение, хочется отметить карандашную запись XX века на последнем листе нашего старого знакомого – рукописного Часовника вт. пол. XIX века. Владелец-капитан-очевидность с зачатками критического мышления, долистав “свою прелесть” до конца, оставил пометку: “Конец книжки?” Да, наш неизвестный друг, книжке конец, кто бросил пить и вылечил зубки – молодец, и настоящей заметке о буднях “книжников” в старообрядческом новгородском “скриптории” начала XXI века – тоже конец.

* * *

Любезнейшие читатели, не судите строго прочитанную заметку и ее авторов. Каждый любящий свое дело немного сходит по нему с ума: по доброму и без злого умысла. Итак, возрадуйтесь и возвеселитесь!

*Артем Носов, Николай Домрачев
Кафедра истории России до начала XIX в.*

**«КАМЕНЬ-КАМЕНЬ,
РАССУДИ МЕНЯ С ГАДОМ...» —
составляющие заговора.
По материалам, собранным
летом 2024 г. в Крестецком
районе Новгородской области**

Человеку, к сожалению, свойственно не только ошибаться, но и болеть. Один из способов справиться с недугом — заговорить его. Именно о заговорах и пойдет речь в данной статье. На материале, собранном из уст респонденток Е.И. (д. Добрости), В.Ф. (д. Воробьево) и А.Ф. (д. Добрости) о заговорах, я постараюсь определить основные составляющие заговора не в синтаксическом его аспекте, но в общем виде: актер заговора, атрибут, используемый при заговаривании, и общую форму текста.

Вот те заговоры, которые удалось записать в полной форме:

Заговор 1.

*Рожа ты рожа,
Ты не пригожа,
Тут тебе не место,
Твоё место в поле в чистом,
На белой берёзе,
Исчахни и сгинь,
Аминь, аминь*

Заговор 2.

*Камень-камень,
Рассуди меня с гадом,
Я его не била,
Он меня кусил,
И по сей день, по сей час
Мой приговор
Аминь*

Заговор 3.

*Сук-сук,
Заговори свой круг
По сей день, по сей час
Мой приговор
Аминь*

В первую очередь стоит определить объект заговора — чаще всего этим объектом выступает недомогание или болезнь. Среди записанных летом 2024 г. наиболее частотный заговор на рожу. Кроме того, наши собеседники упоминали о способах излечиться от зубной боли, укуса змеи, лишая, грыжи и больной спины.

В качестве исполнителя заговора выступает пожилая женщина, родственница респондента, либо иная пожилая женщина из его населённого пункта. Среди особенных случаев следует выделить эпизоды, в которых актором заговора выступает сам респондент, которого научили формуле и необходимым действиям; творец заговора — мужчина-сосед средних лет; заговаривает специальная знахарка. В общем виде портрет заговаривающего — любой человек, обладающий знанием о необходимых атрибутах, действиях и словах, предпочтение же отдаётся пожилым женщинам.

Особенно интересный эпизод в определении актора заговора относится к матери Е.И. Будучи молодой женщиной, она тем не менее считалась в деревне лучшей исполнительницей. У матери Е.И. были определенные проблемы с ментальным здоровьем, что, по мнению жителей деревни, делало ее заговоры — как для людей, так и для животных — особенно ценными и действенными. Способности матери к заговорам и лечению объясняются Е.И. особой приближенностью к Богу. Можно предположить, что, несмотря на ак-

тивное действие человека в случае лечения заговором, основное лечение проистекает именно от Бога через заговаривающего. Наша собеседница не отрицала, что заговорить может любой человек, однако общее мнение в деревне было таковым, что именно у её матери получалось удачнее всего.

Рассмотрим, какие атрибуты используются при заговаривании и в каком аспекте. Ранее упомянутый заговор против рожи заключает в себе в трёх полученных рецептах два вспомогательных средства — молоко и мел. В первом случае рожу заговаривал мужчина-сосед нашей собеседницы, орошая воспаление молоком и нащёптывая слова, которые, к сожалению, В.Ф. вспомнить не смогла. В случае с мелом используется обыкновенный мел для школьной доски, который необходимо раздробить и крошкой натереть место воспаления, следом это место обмотать красной тряпкой. Один из заговоров на рожу производится без использования вспомогательных атрибутов: по воспалению водят исключительно пальцем, приговаривая формулу (*Заг.1*). Произносится эта формула три раза. Кроме уже названных мела и молока, также могут быть использованы вода и солнце, однако в каком конкретно виде и с какими словами, к сожалению, выяснить не удалось.

Вернёмся к примеру матери Е.И. Кроме матери в этой семье, состоящей исключительно из женщин, заговаривать могла также и бабушка. Основной вспомогательный элемент заговора в случае семьи Е.И. — камни. Причём желательно использовать давно лежащие на одном и том же месте камни, нетронутые рукой человека на протяжении продолжительного времени, непереносимые с места на место. В обязательном порядке камни используются в заговорах от укуса змеи и от зубной боли. Порядок действий при заговоре от укуса змеи следующий: укушенным местом следует водить по камню (не наоборот!), лежащему на земле, нащёптывая текст заговора (*Заг.2*).

Заговор зубной боли тоже проводила мать Е.И. и вновь с использованием камней — необходимо больным местом потереться о нетронутый камень, в то время как находящийся рядом человек со знанием лечения приговаривает заговор. После трения о камень от этого места нужно уйти, не оборачиваясь.

Атрибутом заговора от лишая является деревянный сучок, который проглядывает в невыкрашенных половых досках. Некое нащёптывание необходимо произнести и обводя пальцем сами места воспаления при лишае, и следом обводя сучок на полу с определёнными словами (*Заг.3*).

Эта процедура выполняется также три раза, повторять её следует каждый вечер до излечения от болезни.

Таким образом, среди известных по данному материалу вспомогательных атрибутов для заговора можно назвать: камни, сучок в половых досках, воду, солнце, молоко и мел. Можно предположить, что выбор атрибута зависит от его происхождения; в вышеописанном ряду предпочтение отдаётся предметам (если солнце в том числе относится к таковым) природного происхождения. Также интересно в данном контексте упомянуть фразу, которую обронила А.Ф. в ответ на вопрос о камнях в качестве «помощника» в заговоре: «*Может на камни что-то другое заговаривают*». Предположительно, это может означать, что конкретный вид вспомогательного предмета зависит непосредственно от вида недуга. В таком случае, однако, сложно объяснить, почему семья Е.И. отдаёт предпочтение камням в качестве практически универсального атрибута. Интересно также отметить, что в случае Е.И. её семья отдавала предпочтение статичным, недвижимым предметам — камень, на протяжении долгого времени нетронутый человеком и сучок в половицах.

Перейдём к третьему поставленному вопросу — общей форме заговора. Все записанные заговоры имеют ритмичную стихотворную форму, часто, однако, не рифмованную. Рифма встречается только в *Заг.1* и *Заг.3*. Также следует упомянуть, что количество слогов в каждой отдельной строчке и в общем не соблюдается в той степени, чтобы заговор мог иметь конкретный метрический размер.

Общим местом является двойное обращение в начале формулы: «рожа ты рожа» (*Заг.1*), «камень-камень» (*Заг.2*), «сук-сук» (*Заг.3*). Дальнейший текст также обращён непосредственно к недугу или вспомогательному при заговоре предмету. В случае с рожей актер заговора в определённом смысле прогоняет рожу с тела больного: «тебе тут не место», «исчахни и сгинь» (*Заг.1*), в то время как в остальных случаях, при обращении к атрибуту заговора, заговаривающий призывает их «помочь» при недуге: «рассуди меня с гадом» (*Заг.2*), «заговори свой круг» (*Заг.3*).

Примечательно, что в двух случаях (*Заг.2*; *Заг.3*) текст конкретно определяет границы времени исполнения заговора — «по сей день, по сей час». Возможно, это, как и общий вид двойного обращения (повторение одного без местоимения «ты»), отсылает к индивидуальным особенностям заговора — оба они принадлежат семье Е.И.

Обратим также внимание на строку в заговоре от лишая: «заговори свой круг» (*Заг.3*). Предположительно, здесь мы можем выделить обоснование выбора именно сучка в половых досках в качестве атрибута заговора — его форма визуально напоминает язву лишая. Причём, насколько можно судить, последовательность аналогий именно такова: сучку следует заговорить «свой» круг, следовательно, он выступает здесь в доминантной роли по отношению к лишайному воспалению.

Все три заговора также несколько отличаются по внутреннему настроению: если *Заг.1* — это, скорее, приказ, призыв к действию, то *Заг.2*, *Заг.3* — просьба или даже жалоба.

Примечательно также, что ни один из текстов не призывает/просит недуг испариться или же исчезнуть вовсе, каждый из них отсылает болезнь либо к следующему носителю (*Заг.1*), либо призывает вспомогательный предмет расправиться с ним (*Заг.2*; *Заг.3*). Интересно отметить, что в этом аспекте, так же, как и в случае выбора атрибута для заговора, предпочтение отдаётся предметам природного происхождения. Ни один из заговоров не призывает перенести заболевание на другого человека.

Завершается заговор религиозной формулой «Аминь» во всех трёх случаях, дополняемой фразой «по сей день, по сей час [да будет] мой приговор» в двух случаях (*Заг.2*; *Заг.3*). Сопоставив это с тем, что было сказано о матери Е.И. в качестве актора заговора, можно предположить, что источником силы заговора, несмотря на магическую составляющую, в сознании заговаривающего является Бог.

Таким образом, можно заключить, что в самом общем виде составляющими заговора являются 1) человек, осведомлённый о необходимых словах и действиях; 2) вспомогательный предмет, причём предпочтение отдаётся предметам природного происхождения; 3) определённого вида формула.

Ульяна Зарудий
Кафедра истории древнего мира

СТРАХ

и его интерпретации в рассказах.

По материалам интервью в Крестецком районе Новгородской области

Страх — верный спутник человека с момента его рождения. Значительная часть окружающей нас культуры построена на нем. Это в том числе и базовая эмоция, имеющая первостепенные биологические функции. Во время прохождения антропологической практики в Крестецком районе Новгородской области у меня возник вопрос: что кроется за многочисленными местными легендами, байками, страшными семейными историями жителей деревень. Респонденты в ярких подробностях делились своим опытом переживания страха, который всегда был напрямую связан с фольклором, религиозными предписаниями или смертью. Стоит также отметить, что подавляющее большинство собеседников относят себя к старообрядцам или православным.

Экзистенциальный страх, а в особенности тревога перед конечностью человеческого бытия, поглощает нас. Согласно Хайдеггеру, смерть другого заставляет ощутить, как окончание «присутствия» человека с нами, так и собственную смерть, исключение из мира для самого себя. Вкупе с этим человек не может всецело *понять* «приход-к-концу» (Хайдеггер, 238). Страх смерти в любом случае будет сопровождать и глубоко верующего человека — в данном случае, возможно, именно та самая точка отправления от живых к мертвым.

Некоторые респонденты делились историями, как их умершие родственники приходили к ним во снах и звали с собой. Поверье гласит, что идти ни в коем случае нельзя, ведь это приведет к смерти. Нам встречалось объяснение подобного: покойник «забирает» живого, чтобы при поминании недавно усопшего вспоминали также его самого. Значит, человек может бояться не просто неизвестности, но и того, что он сам может стать частью этого «ничто» — в поведении покойного воспроизводится страх живого человека.

Сюжет о захоронении заживо знаком современной массовой культуре, но и для деревенских страшных историй он нередок. В д. Добрости нам удалось услышать историю о том, как односельчанка рассказчицы, похоронив мужа, стала видеть его во сне, просящего, чтобы его вытащили из гроба, ведь на самом деле он жив. Сон повторился несколько раз, и после вскрытия гроба жи-

тели обнаружили тело мужа в неестественном положении; крышка гроба же была исцарапана.

Кладбище у д. Добрости

Страх, будучи ярко ощутимым эмоциональным переживанием, трансформирует человеческое восприятие таким образом, что стирает границы между прошлым и будущим, уничтожая само ощущение времени. Страх дает возможность прочувствовать только *пространство* (Хайдеггер, 344). Жительница д. Новое Рахино поделилась с нами следующей историей:

«Недалеко [от д. Старое Рахино] стоит церковь очень большая — Тихвинской Божией Матери, ... уже разрушенная. ... В наше время там был клуб, во времена моей молодости. [Раньше] там очень красивый крылос (клирос — А.З.) пел. И, к сожалению, они все были расстреляны большевиками. Было запрещено выносить трупы из храма, но это была легенда, как старики рассказывали, да... Но на протяжении многих лет люди, ходя ночью, слышали, как этот крылос поет. В мое время, поколение моей молодежи, у них было такое, знаете: «Ну, если ты поднимешься наверх [церкви], ящик пива поставлю!» Потому что все туда боялись подниматься, и многие даже видели, как этот крылос проходит — в белых одеждах».

Так, в поглощенном страхом ощущении времени и его адекватности, в рамках одного *пространства* встретились талантливые жертвы антирелигиозной большевистской политики и молодые любители пива.

Говоря о страхах, необходимо понимать степень вовлеченности человека в религию, а осо-

бенно — религиозную жизнь его деревни, приход. Образовывается отдельное сообщество со своими запретами и нормами. И эти нормы регулируются в данном случае с помощью именно религиозных предписаний. Их полноценное участие во всех сферах жизни человека порождает определенные страхи.

Многие рассказы наших респондентов о нарушении установленных религиозных правил имели схожий сюжет (наказание святотатца): нарушение какого-либо правила, а затем страшное наказание (чаще всего смерть). Одним из самых распространенных запретов была работа в церковные праздники, особенно в крупные. В д. Лякова произошла трагическая история, о которой нам поведали следующим образом:

«Он же погиб, дерево его в лесу... Ну, в лесу они работали в день Пресвятой Богородицы. И он приехал, что-то там не хватило, бензин или что-то утащили у них, он собрался [рубить лес]. А жена его не пускала, мол, ну, останься. Он говорил, там ребята. Приезжает, они обедают. А он стал дерево валить, и то дерево на него [упало]. И у нас это уже не первый случай».

Этой же историей поделился и другой собеседник, который неоднократно указывал, что в Бога не верит, хоть и был воспитан в старообрядческой семье:

«[Имя жительницы], у которой муж погиб в страшном обвале леса. Пилил лес, ветер был сумасшедший. Он был хваткий парень, передовые методы исповедовал: одно дерево валят слегка подпиленные другие три. И вот, слегка подпиленное одно, ветер в другую сторону — и ему на голову. Вот такая история, страшная...»

В речи первой собеседницы мне бы хотелось выделить присутствие страха наказания, выделяемого Фуко. История для нее страшная не только из-за трагичной смерти человека, но также из-за нарушения определенного запрета, регламентированного сообществом. Для сообщества со своими структурами, горизонтальными и вертикальными связями, тревога его членов, даже запугивание — надежный сплывающий фактор (Фуко, 266). Рассказывая подобные случаи, респонденты обычно не рассуждают, откуда пришло наказание. Предположительно, его актором является Бог, который в любом религиозном представлении о мире будет стоять во главе иерархии. Соответственно, страх перед Богом может рассматриваться и в контексте религиозной философии, и в контексте тех же отношений, живущих на власти и подчинении.

Пожалуй, святотатство подвергается самому суровому наказанию и осуждению. Когда нет возможности наказать человека, место, где произошло осквернение, становится источником недоброго и страшного. Собеседница из д. Нароново вспоминает жуткий случай из детства:

«А здесь была церковь. Ну, потом уже как склад, что ли. Там мы маленькие играли, скамеечки были, красивые деревья. Мы там ходили. И вот я слышу, где были стекла и решетки, звук стекла. оборачиваюсь и смотрю: какая-то черная рука с длинными ногтями берет [стекла] и бросает [из окна]. И я побежала. потом я добежала до забора, оглянулась опять. Какая-то черная фигура, движение — и за дерево. я побежала к тете. Эта церковь была как склад, потом клуб сделали. Не знаю, что это такое было...».

Однако боязнь наказания — не единственная. Несоблюдение правил часто влечет за собой исключение из сообщества. Отсюда проистекает страх оказаться вне его или же страх потери идентичности.

Человек переживает негативные эмоции и сильное эмоциональное впечатление при страхе. В основе мышления и образа действий нередко лежит страх — даже неочевидный для самого человека. Если бы не витиеватые человеческие страхи, культура была бы значительно беднее на столь запоминающиеся примеры устного и письменного творчества, дающие яркую характеристику сельской, религиозной и региональной культуре.

Список литературы:

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. Б.М. Скуратов. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997. 451 с.

Александра Зимовина
Кафедра истории Церкви

О поисках следов русской традиционной свадьбы в Крестецком районе

В самые первые дни экспедиции нашей группе повезло попасть на фестиваль старообрядческой культуры в деревне Лякова. Местные коллективы подготовили замечательные выступления – было много танцев, песен, духовных стихов, лекций и игр! Пока на длинной центральной улице, по обе стороны которой теснились старые деревянные домики, расположились лавки с мастер-классами и предметами местных промыслов, на сцене на лугу выступали молодые девушки. Под тоскливые песни они расплетали косы одной из своих подруг и меняли ей головной убор – это часть обряда прощания невесты со своим девичеством, который сопровождался ритуальными плачами и другими магическими действиями. Невеста пела: *«Вам спасибушка, мои подруженьки. Да что пришли ко мне, не обесчестили. Вы носите мою красну красоту и носите ее, не жалеючи»*. Каждое действие несло в себе огромный, почти что сакральный смысл и понималось как неотделимая часть важнейшего этапа перехода, ритуальной смерти и рождения. Коса понималась как девичья красота, оттого невеста так причитала, советуя подругам подольше красоваться в доме отца и матери, а плач был необходим накануне свадьбы, чтобы избежать слез во время брака.

Под впечатлением от увиденного на фестивале сложно не задаться целью отыскать следы русского свадебного обряда, такого интересного и полного магических смыслов! Что безвозвратно исчезло с годами, а что сохранилось, претерпев изменения? Какое значение несли в себе те свадебные ритуалы, прежде связанные с важнейшими вопросами миропонимания в традиционном обществе? Задача становилась все более интересной и оттого, что у нашей группы была возможность увидеть трансформацию свадебной обрядности в старообрядческой среде. Мы старались расспросить респондентов о сватовстве, свадебном гулянии и его важнейших элементах, о магических приемах, связанных с браком.

Русские традиционные свадьбы перестали играть уже в 1950-е гг., оттого у наши собеседников, в большинстве рожденных в 1940-е гг., сохранились лишь отрывочные воспоминания о празднествах, которые они видели в детстве. В советское время представления о свадьбе претерпели значительные изменения – секуляризованный взгляд на союз мужчины и женщины, его строго светское

понимание определили трансформацию традиционного обряда.

Один из вопросов, вставший в советские годы в староверческих общинах, состоял в возможности заключения смешанных браков – между православными и старообрядцами. Одна из собеседниц сообщила, что такое началось как раз после войны, а прежде не дозволялось. Вероятно, в условиях обедневшей и обезлюдившей деревни на религиозные разногласия могли смотреть сквозь пальцы – долгие годы войны сплотили вытерпевший все народ. По словам той же женщины, в смешанном браке благословляли только старовера, в другом случае, могли перекрещивать одного из молодоженов, чтобы его вера соответствовала конфессии супруга. Нашу собеседницу из Добростей, действительно, перекрестили в реке сразу после свадьбы со старовером.

Большое значение в традиционной культуре имело время деревенских свадеб – отвечая не столько магическим представлениям, сколько практическому удобству, заключение браков приурочивалось к наименее загруженным сельскохозяйственными работами месяцам. Так, в дореволюционные годы большинство свадеб приходилось на зимние месяцы, а также на середину осени – ведь в это время урожай был собран, а цикл сельскохозяйственных работ завершен, проводился большой сельский праздник, к которому и приурочивались многие свадьбы. В советское же время в деревню попало множество рабочих и служащих, не связанных с трудом в поле, сами эти работы более ритмично распределялись в течение года, что обусловило увеличение числа летних и весенних свадеб²³. Такое изменение вступало в противоречие с религиозным календарем, поскольку во время поста и религиозных праздников играть свадьбы запрещено. Жительница деревни Нароново называла своих родителей грешниками, ведь они поженились в Великий пост, хотя никакого наказания им за это не последовало.

Более того, во время поста и праздников нельзя и свататься – об этом нам рассказала В.В. из деревни Лякова. *«Он (ее муж) приходил свататься. А был как раз Петровский пост. Мама говорит: “не отдам – пост идет”. <...> Вообще, в посту нежелательно бы, конечно, замуж выходить. Нежелательно бы. Ну а другой раз смотрю, например, у некоторых вон проживут по 50 лет в мае – говорят, тоже в мае нельзя выходить, маяться будут. Слушайте, все это, мне кажется. Вот в Воробьеве женщина – они в*

²³ Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. С. 180.

мае расписались, ну свадьба была – больше 50 лет прожили. Поэтому здесь очень трудно говорить. Приметы, конечно – нельзя верить. А так в посты вообще свадьбы не играют никогда. Теперь то, конечно, все перевернулось». Так, мы видим, как удивительным образом, смешались в этом вопросе и религиозные представления, и знание примет, т.е. фольклорный элемент.

Вообще, вопрос сватовства в традиционной свадьбе имел огромное значение – родительское благословение было наделено большой силой. Двух наших собеседниц родители благословляли с иконой – сила слова, родительского одобрения, подкреплялась религиозным контекстом. Наша собеседница из Добростей рассказала грустную историю заловки своей бабушки, которая не приняла жениха, выбранного ей отцом, и просила последнего изменить решение. Приезжая домой в слезах, отказывая мужу в близости, героиня истории перечила родительскому выбору, оттого обрекла себя на несчастливую судьбу. Отец все же сжалился и прислушался к ее просьбам, но вся семья родственницы нашей собеседницы погибла во время войны.

В советское время место сватовства, как «начальной церемонии свадебного сговора»²⁴, очень изменилось – теперь оно сохранило за собой лишь подтверждение серьезности намерений жениха, возложение на родителей ответственности за прочность будущей семьи²⁵. Так, Е.А. из Добростей рассказывала, что ее первый муж не хотел идти свататься – она ведь сирота, без отца, а мать умственно отсталая, к чему благословение. Но Е.А. настояла на соблюдении традиции, и ее жених пошел за благословением к брату. Так, сватовство представлялось еще и выражением уважения к невесте.

В целом, активный состав участников свадебного обряда значительно уменьшился – лишь некоторые наши собеседники вспомнили о дружках, которые должны придумывать развлечения на гуляния и собирать выкуп за невесту. Другая респондентка упомянула бабушку, которая приходила на свадьбу распевать традиционные свадебные песни.

Все же, мы видим, что в советское время роль жениха и невесты значительно возрастает, родительский выбор все больше уходит на второй план. Более того, в довоенное время и первые послевоенные годы часто заключались браки

«убегом»²⁶. Многие не могли позволить себе устроить гуляния, оттого просто начинали жить вместе или обручались тайно. Вот что рассказала наша собеседница из деревни Лякова: «Мы как-то стали где-то вот с ним летом жить, и потом в ноябре у нас была свадьба. Ну мороз был, помню, 30 градусов, мы бежали расписываться». А наша собеседница из Добростей и вовсе понимает начало совместной жизни как вступление в брак: «Раньше, как: ну вот привел в дом, и все, и женился. Потом могут пойти расписаться или че».

Выступление фольклорного коллектива на фестивале в Лякове

С другой стороны, когда речь заходит о зажиточном хозяйстве, то свадьба – это непременно широкое гуляние на всю деревню. О деревенских праздниках наши респонденты всегда вспоминали с улыбкой – богато уставленные столы (по словам нашей собеседницы, мясо-то в послевоенные годы не удавалось поесть, а на столе всегда была строганина или сало), танцы, песни, обязательно драки. Удивительно, что в наборе блюд, которые, по словам респондентов, готовили к свадебным гуляниям, можно отыскать ритуальный смысл. Так, многие вспоминали о тонких блинах из ржаной муки – сульчинах и сканцах. Блины являлись традиционным свадебным блюдом и несли в себе поминальную символику, ведь невеста, вступая в семью мужа, умирала в девичестве. Блинами угощали в доме невесты на обручении, символично «хороня» девушку в ее прежнем статусе, с блинами также связаны девичьи гадания²⁷.

Свадебный ритуал в советские годы сократился и в отношении самостоятельности его традиционных элементов, которые начали совмещаться или вовсе исчезать – сговор²⁸, рукобитие²⁹ и

²⁴ Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. С. 383.

²⁵ Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. С. 181.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре. С. 354–357.

²⁸ Сговор проводился в доме невесты после смотрин. На сговоре обсуждались материальные вопросы брака.

пропой³⁰ часто проводились одновременно или вовсе отсутствовали³¹. Продолжительность свадьбы также уменьшалась – второй день, обычно проводимый в доме невесты, многими респондентами вспоминался как день, в который опохмеляются. Однако сохранились некоторые элементы соединительной магии – наши собеседники рассказывали о связывании рук молодоженов рушниками, кусании одного каравая. Издревле такие обряды включали в себя как раз совместную еду брачующихся, питье из одного стакана, а связывание рук рушниками и вовсе отсылает к древней форме заключения брака³².

Наши собеседницы поделились также некоторыми магическими приемами, связанными с защитой от порчи – наиболее верным способом следует считать использование различных предметов в качестве оберегов, так, жительница деревни Воробьева рассказала, что булавку к своему свадебному платью не прицепляла, хотя обычно так принято делать. Е.А. из Добростей, напротив, вспомнила, что нашла на пиджаке своего мужа нитку с иголкой, а он вот как объяснялся: «*Да маманя моя, когда мы в Пырищи поехали к тебе в первый раз, она говорит, что там староверы, мол приворожат*». К большой удаче наша собеседница 1938 г. р. из Ручьев поделилась воспоминаниями о свадебном поезде, дорогу перед которым должны были расчищать дружки. Обычно свадебный поезд сопровождал молодых к венчанию и в дом жениха, на этом пути брачующиеся особенно уязвимы, оттого дружка исполнял роль оберега – а порой охранял процессию от порчи профессиональный колдун³³.

Итак, свадебную обрядность, которую нам удалось зафиксировать, можно считать сочетанием утилитарных, практических действий с традиционной символикой. В тоже время религиозные представления в свадебном обряде уходят на второй план, часто лишь подкрепляя традиционные действия и обещая большую надежность. Вера существует в свадебном обряде в форме благословений, молитв и использования культовых предметов, икон и свечей. Многие ритуалы

²⁹ Рукобитие – символическое обрядовое действие, могло проводиться в день сговора или позже. С этого момента молодые люди официально становились женихом и невестой.

³⁰ Пропой – совместное пиршество двух сторон, заключительный этап сговора, проводился после рукобития.

³¹ Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. С. 176.

³² Там же. С. 167.

³³ Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре. С. 184.

утратили прежнее значение, сохранившись в упрощенном виде или скорее в игровой и шуточной форме. Но все же, можно говорить о сохранении следов традиционной русской свадьбы.

София Даншина
Кафедра истории древнего мира

КЛИНЦЫ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ: ЭКСПЕДИЦИЯ В ТРИ ДНЯ

Совершенно неожиданным и приятным подарком наших осенних российских каникул стала археографическая экспедиция в старинный старообрядческий город Клинцы. По приглашению сотрудниц клинцовского Музея русской культуры и старообрядчества им. М.М. Овчинникова, знакомство с которыми состоялось во время конференции на Ветке, и благодаря удачно сложившимся обстоятельствам в виде нескольких свободных дней (в условиях нынешней поездки это уже чудо!), буквально через неделю после заявления о намерениях мы были в Клинцах. Состав рабочей группы самый замечательный: традиционно возглавила наш коллектив Наталья Викторовна Литвина, идейным вдохновителем стала Елена Владимировна Воронцова, отец Андрей Костромин в качестве главного специалиста по связям со старообрядческой общественностью, и мы с хранителем музея Ольгой Емиловой как основные трудовые резервы. Чрезвычайно сжатые сроки и немалый масштаб работы по описанию книжного собрания как музея, так и старообрядческой общины, при коей музей и был создан летом 2024 года – призвали мобилизовать все силы и возможности.

Работа закипела практически сразу по прибытии в город и заселении в церковный дом. Заботы о поддержке наших физических сил взяла на себя община, любезно предоставив хорошие условия для краткого ночного отдыха и поставив на полное довольствие, которое обеспечивали две замечательные хозяйки. Знакомство с книжным собранием состоялось в первый же день, как только в храме закончилась вечерняя служба под

Вселенскую родительскую субботу. Уже через полчаса после разбора книг на клиросах, в городе полностью отключили электричество (весьма явно ощущается здесь близость беспокойной приграничной зоны), и следующие пару часов мы трудились в самой одухотворенной атмосфере – при свете восковых свечей, мерцание которых отражалось в тусклом золоте старинных икон ветковско-стародубского письма...

Отец Андрей и матушка Ксения Костромины

Утром заупокойная литургия совершалась в приделе свят. Спиридона Тримифийского, и ударные темпы по описанию книг в храме удалось сохранить. С тем лишь нюансом, что старообрядческая часть экспедиции приняла участие в богослужении и после оно направилась с настоятелем на местное кладбище, где покоятся останки епископов некогда славной Клинцово-Новозыбковской епархии: Флавиана Разуваева (1847–1933), Вениамина Агалцов (1882–1962), Иоасафа Карпова (1889–1973). Отрадно, что архиерейские могилы находятся под особенным попечением общины. После заупокойной литии навестили и последнее пристанище инокинь, проживавших при клинцовском храме в 50–70-гг. XX века, рукописные труды которых сохранились доселе и являются достойной частью книжного собрания общины.

Вторая половина субботнего дня прошла в тесном знакомстве со старопечатными изданиями и рукописями, хранящимися в музейной комнате церкви. Кратко охарактеризовать книжное собрание клинцовской общины можно так: клас-

сическая старообрядческая книжница с небольшим количеством дораскольных изданий богослужебных книг, зарубежной и местной (причем самой что ни на есть! – клинцовской) старообрядческой печатью, поздними крюковыми рукописями, созданными в известных центрах книгописания – на Ветке и в Гуслицах, интересными полемическими и учительными сборниками XIX–начала XX в. Несомненно, есть «жемчужины» собрания, которые вызывают искренний восторг исследователя и станут достойным украшением музея. И особенно важна история бытования каждого книжного экземпляра, представленная в разного рода записях и вложениях, повествующих о событиях в жизни клинцовских старообрядцев – предков нынешних хранителей духовных ценностей и истинной христианской веры.

В центре - о. Михаил Смирнов, настоятель клинцовского храма

Воскресное утро порадовало ясной погодой и торжественным богослужением в храме Преображения Господня. После литургии дежественным распевом все молящиеся были приглашены в конференц-зал музея на просмотр документального фильма «Сим малым хочу великое...» Русские старообрядцы в Бендерах». Фильм, созданный культурно-просветительским центром «Древнерусская книжница» при Покровской старообрядческой общине г. Бендеры (Приднестровская Молдавская Республика), и посвященный истории и современному состоянию приднестровского старообрядчества, нашел живейший отклик в сердцах наших клинцовских собратьев по вере. Главная мысль, которую создатели фильма постарались донести до зрителя – о Приднестровье как части Русского мира, о духовных и культурных связях старообрядцев с большой Родиной, – была воспринята с большим подъемом. Спаси Христос всех причастных за эту возможность показать россиянам нашу жизнь!

Яркие впечатления остались после осмотра экспозиции музея старообрядчества. Открытый

несколько месяцев назад, музей приятно удивил своим объемом хранения, ценностью и разнообразием представленных экспонатов. Помимо книг, здесь можно увидеть церковное литье и священные сосуды, традиционную старообрядческую одежду и старинные облачения священнослужителей, предметы быта разного времени и значительный фотоархив. Впечатляет зал скульптуры, где в миниатюре представлены творения из бронзы, дерева и камня известного скульптора Александра Смирнова, уроженца г. Клинцы, создателя городского памятника старообрядцам-основателям города семье Клинцовых. Увидеть памятник получилось благодаря краткой экскурсии по городу, которую предложил гостям общины главный редактор «Клинцы.Инфо» Владимир Шик, за что ему сердечная благодарность!

Последний день экспедиции был посвящен работе с музейным книжным собранием. Участники экспедиции поделились с руководством музея своими рекомендациями по экспонированию и хранению книжных памятников. Дай Бог, чтобы работа с книгами, столь активно начатая во время этой первой клинцовской экспедиции, продолжалась и дальше.

Столь успешная экспедиция была бы невозможна без внимательного и деятельного участия настоятеля клинцовского храма – отца Михаила Смирнова, трудами которого не только сохраняется духовная жизнь в исконно старообрядческих Клинцах, но и происходит активное развитие культурных инициатив. Низкий ему поклон и много лет!

*Участники экспедиции,
о. Михаил Смирнов, Ольга Емилова
Слева – автор*

Ксения Костромина

«Неча зеркало пытаться – ничего в нем не видеть...»³⁴. Гадания и немного другой магии

Гадание – действие, направленное на приобретение знаний, касающихся прошлого, настоящего или будущего кого-либо, чего-либо, основанное на использовании специфических методов и приемов суеверного, религиозного, и т.д. характера³⁵.

Гадания чаще ассоциируются с традиционной сельской культурой, но остаются популярными в городской среде. Человеку вне зависимости от места и уклада жизни часто хочется заглянуть в собственное будущее, в том числе от нехватки веры в правильность собственных поступков. Если для городских жителей гадания – явление приобретенное и связанное с личным опытом, то, что касается деревни, можно с некоторой уверенностью сказать, что гадания и вера в мистику там – часть непрерывной традиции.

Сбор материала был начат в д. Лякова³⁶. Жительница деревни рассказывала, что в ее семье ворожей не было, но вообще ворожили в деревне активно, только сейчас (вроде как) не ворожат. Серьезной проблемой для ворожей была необходимость передачи знаний и способностей: в соседней деревне ворожея долго умирала именно потому, что не могла никому передать дар, потом уговорила женщину что-то над ней почитать, передав таким образом дар, и уж после этого умерла.

Несмотря на понимание неправильности гадания, та же собеседница рассказывала историю о том, что в какой-то момент стала гадать по руке.

Однажды ее окликнула цыганка и предложила погадать, но в ответ услышала: «Давай я тебе погадаю», и отстала.

Она гадала своим коллегам по работе, в частности, сказала одной из знакомых, что дети у нее не родные. Сейчас она гаданиями больше не занимается и вообще знает, что это грех. Раньше сначала гадала, потом отмаливала.

Житель деревни Подол³⁷ сказал, что сам ворожей не знал, но ворожить – конечно, ворожили. Он считает, что гадания от лукавого, вспомнил про гадание тарелочкой, на которой засечка, которая вращается и указывает на буквы – похожа на доску Уиджи. Но со смехом добавил: «Ну, кто это блюдце двигает с обратной стороны?», имея в виду нечи-

³⁴ Из стихотворения Н. Пекарской и Л. Ромашкиной «Частушки про гадания».

³⁵ Энциклопедия «Азбука веры».

³⁶ Крестецкий р-н Новгородской обл.

³⁷ Окуловский р-н Новгородской обл.

стью силу. Подобные тарелки с буквами – пример спиритических гаданий, которые начали входить в деревенскую практику во второй половине XIX в.

При явно выраженном осуждении ворожей тот же собеседник отделил их, например, от женщины-предсказательницы, к которой его семья специально ездила, чтобы она помогла найти скотину, напавшую на худой след.

И все же главным и повсеместно распространенным вариантом являются гадания на суженого, особенно святочные, о них вспоминали или говорили практически все собеседники.

На святки девушка выходила на улицу или перекресток и ждала, с какой стороны раздастся голос, туда девушка выйдет замуж. Голос этот не обязательно принадлежит суженому. В Лякове нам говорили, что при подобном гадании одна девушка услышала голос деда с другого конца деревни, и хотя девушка действительно вышла замуж в той части, жених не оказался молодой.

Другой записанный в экспедиции вариант – кидание сапога. Об этом нам рассказали в деревне Добрости. Девушка кидает сапог за забор, в какую сторону покажет нос сапога – в ту сторону девушка и выйдет замуж.

Более простым, не конкретизирующим место жительства будущего жениха, является гадание на заборе: девушка и обнимает руками штакетник забора: четное число досок – выйдет замуж или точно не будет одна, а нечетное предвещает одиночество.

Фольклористка из деревни Новое Рахино³⁸ рассказала нам и о том, как гадала сама, и о том, что ей рассказывали пожилые женщины во время поездок с Новгородским музыкальным училищем. В деревне у деда рассказчицы девушки гадали на Святки, смотрели в зеркало и увидели лесную дорогу, по ней лошадь везет гроб. На следующий день в деревню привезли гроб с молодым парнем. Одна женщина гадала на зеркале: увидела длинный коридор как в больнице со множеством дверей. Она открывала все двери подряд, везде пусто. Вдруг за одной увидела офицера с усиками, через какое-то время она встретила жениха. Во время знакомства он был без усов, а потом они отрасли и она сказала: «...да это ж тот, который в зеркале был».

Наша собеседница, в отличие от большинства респондентов, не из староверческой среды. Она открыто говорила, что сама верит в гадания и продолжает их практиковать. Для нее это не архаика, а часть действительности, которая никуда не делась. Продолжая тему суженых, она рассказывала, что

можно выскочить на улицу и спросить первого встречного, как его зовут – так и мужа будут звать, или например, ходить и подслушивать под окна. Говорила она и о других приметах и связанных с ними историях: если услышать крики или звон цепи – это не к добру, а вот если смех, напротив, – к чему-то хорошему. Также брали миску с фасолью и загадывали желание, потом вытаскивали бобы: если четное количество – сбудется, нечетное – не сбудется. Наконец, можно капать воск в воду в воскресенье и смотреть на узор: круг – все спокойно, цветок – к любви, глазки – к хорошим новостям, птицы также к новостям, большое животное – к удаче и/или прибыли.

Итак, гадания сохраняют разнообразные формы, какие-то более аутентичные, какие-то имеют более позднее происхождение. Тематически они связаны с любовью или шире – с исполнением/неисполнением желаний, а также тесно переплетены с приметами и другими формами колдовства, той же ворожбой.

Несмотря на осознание богопротивности гаданий, они были и остаются широко распространенной практикой. Даже у старообрядцев (к среде которых относилось большинство наших респондентов), чья религиозность и ее влияние на культуру представляется всеобъемлющим и строгим, сохранилась вера в гадания и разнообразные гадательные практики. Оказывается, если «пытать зеркало», увидеть в нем можно очень многое.

Сергей Ларин
Кафедра истории Церкви

ЗАМЕТКИ О ТАМБОВЩИНЕ

Вспоминаю майские выходные, проведенные в экспедиции в Тамбовской области с нашим педагогом Воронцовой Еленой Владимировной, которая в течение полугода читала нам спецкурс по полевым исследованиям в университете. Итогом наших пар стала работа в поле, где мы столкнулись с настоящей антропологической и религиозно-деятельностью!

³⁸ Также в Крестецком районе.

Как помню, ты приезжаешь на первую точку, погода не радует, но ты, полон сил и энтузиазма, начинаешь свою работу со старшим коллегой.

В деревне С. наша группа встретила первого респондента на кладбище. Потом ты идешь по деревенской дороге, разглядывая дома, смотря в свои записи, преодолевая внутренний страх перед тем, как брать полевое интервью!!! Тут начинается ливень, бегом в машину.

Мы видим дом, который похож на тот, что нам описывала бабушка. Мокро, холодно, но с боевым настроем мы бежим к двери и начинаем стучаться, открывает дедушка, который с осторожностью зовет нас пройти внутрь дома, чтоб не мокнуть. П.Г. Чистяков начинает интервью, а ты стоишь, внимательно слушаешь, стараясь записывать каждую деталь, чтоб потом задать уточняющий вопрос!

Тамбовская экспедиция

Вечерело, и мы отправились в пос. Л., где нас встретили очень гостеприимно, накрыв стол со всякими вкусностями, после чего мы остались на ночлег возле печки, которая нас согревала всю ночь!

Вот такая история одного полевого дня начинающего религиоведа.

Анастасия Алексеева

Это был мой первый опыт экспедиции. Поначалу все было непонятно, все в новинку. Как сейчас помню свои чувства: интерес к поставленным вопросам, на которые мы должны были ответить по ходу работы, желание как можно больше слушать и вникать в суть происходящего. Задачи, которые мы поставили, были уникальными. Каждый из участников экспедиции был мотивирован также собственными научными интересами. Сны, колдуны, повитухи, свадебные и похоронные обряды— все это входило в сферу наших научных интересов

и было увенчано несколькими общими темами, которые проходили красной нитью через всю работу. Основная наша деятельность заключалась в общении с респондентами, и, наверное, это была одна из самых удивительных частей. Возможность прикоснуться к жизни и культуре уже взрослого и уходящего поколения, что-то понять об их религиозном сознании, действительно пробудила во мне интерес. Все, что случилось за время экспедиции, отразить не получится, но есть надежда, что материал, который удалось собрать, продолжит этот рассказ.

Анастасия Давыденкова

В мае 2024 года мы отправились в полевое исследование в Тамбовскую область. Для половины участников экспедиции, и меня в том числе, это был первый опыт работы в поле. Дни, проведенные на "Тамбовщине", были достаточно насыщены и полны интересных встреч, нового опыта и впечатлений.

Каждый участник отвечал за определенную тему исследований, а еще помогал товарищу с выискиванием ответов на его вопросы. Много в экспедиции мне напоминало настоящее расследование, где мы, натываясь на новые сведения, тут же мчались вперед, боясь опустить свежий след воспоминаний прошлого. За неделю, проведенную в поле, мы посетили несколько деревень и сел, разговаривали с радушными и чрезвычайно добрыми бабушками и дедушками. Многие из них принимали нас как собственных родственников, и старались все время накормить, напоить, и одарить. Они с невероятным восторгом и искрами в глазах рассказывали о себе и своих знакомых. В эти моменты важно было стараться сохранить грань между обычными душевными разговорами и научным, антропологическим интервью. Из бесед мы узнавали ценную для нас информацию о жизни в местных деревнях, находили новые связи для следующих интригующих бесед. Одной из самых знаменательных находок экспедиции стал так называемый "монастырь в миру".

Это был маленький и скромный дом, где раньше жили "герои" наших исследований. Участники экспедиции не один год медленно и последовательно распутывали дела репрессированных верующих жителей этой области. Их имена уже забыты новым поколением тамбовчан, но оставившие свой след в более старшем. Проехав множество сел и деревень, поучаствовав во множестве душевных интервью с местными жителями, многие из которых стали хорошими друзьями для участников экспедиций, нам удалось прикоснуться к быту и жизни его насельников. Попав в этот захудалый и

скромный домишко, мы удивлялись его вместительности. В помещении было несколько комнат, где жили монахи в миру. Их "кельи" были совсем крошечными. В каждой келье кроме книг, был свой иконостас. Дом украшали необычные фолежные иконы, повсюду лежали книги, дневники и тетради. В рукописях нас увлекли пометки на полях, а также записанные в обычной тетради ежедневные наблюдения и мысли кого-то из насельников. Вся это обстановка завораживала своей таинственностью и заставляла представить, как могла бы выглядеть жизнь наших "героев".

Проведенная неделя в поле произвела на меня большое впечатление. Эта поездка стала ценным опытом на моем пути начинающего исследователя. И хочется надеяться, что мне предстоит ещё немало полевых и кабинетных работ в будущем!

Кристина Кондакова

Наша осенняя экспедиция в Тамбов случилась на Светлой седмице, когда местные жители отдыхали от огородных дел и могли уделить нам время и внимание.

Каждый участник поездки занимался определенной темой и, помимо вопросов, раскрывающих общую картину жизни респондентов в русской деревне, пытался узнать о том, что входило в сферу его личного научного интереса: деятельность повитух, колдунов, отношение ко снам и др.

Была также тема, которой мы занимались на протяжении всей экспедиции: судьбы определенной группы людей 1920—1930-х гг. рождения, которые каким-то образом переплетены между собой. Именно ее изучение привело нас к главной находке поездки – открытию монастыря в миру.

Мы добрались до Лидии, хранительницы ключей от дома, в который в конце 80-х годов заселились интересовавшие нас люди – девицы А.И. К-ва (репрессированная) и З.И. Ф-на, а также Б.Н. (возможно, монах) и некая А.И., о которой сведений почти не осталось.

Приехав на нужное место, мы увидели деревянный дом, стоящий в ряду таких же домов. Совсем неприметный, кое-где с облезшей краской и чуть покосившимися окнами.

Осмотрев двор с небольшим огородом, мы вошли в просторную прихожую с печкой и тесной комнаткой справа от двери. Пройдя дальше и переступив порог основной части дома, мы оказались в коридоре с двумя спальными местами у стен, одно из которых было отгорожено шторкой. С правой стороны от коридора распо-

лагалась гостиная с большим столом, заваленным книгами. С левой стороны от гостиной по стене находились две небольшие комнаты, одна из которых была совсем крохотной.

Множество личных вещей (одежда, дневники, книги, записки, документы и много другое), находящихся в комнатах, создавали ощущение, что дом совсем недавно покинули и в него вот-вот вернутся хозяева. Только влажность в воздухе, слой пыли повсюду и запах сырости от книг, пропитанных плесенью, говорили об обратном. Нам разрешили вывезти из этого дома-монастыря ценный архив, над которым сейчас ведется работа.

Для меня встреча с такой живой и дышащей историей стала едва ли не самым запоминающимся моментом экспедиции.

Елизавета Попова

Коллектив авторов

Составители номера Н.В. Литвина, Е.В. Воронцова
Верстка Н.В. Литвиной
Редактор Е.В. Воронцова

Археографическая лаборатория истфака МГУ
archlab@mail.ru

Л. Кулыгин, Д. Кочанников, А.В. Носов в поморском храме Великого Новгорода

А.В. Носов и И.А. Мельников